

**ВЫСШЕЕ ОБРАЗОВАНИЕ:
ПРОБЛЕМЫ И ПЕРСПЕКТИВЫ**

УДК 316.7

**КУЛЬТУРНОЕ
И ОБРАЗОВАТЕЛЬНОЕ
НЕРАВЕНСТВО В РОССИИ:
УГРОЗЫ НАЦИОНАЛЬНОЙ
БЕЗОПАСНОСТИ**

Борцов Юрий Сергеевич

Доктор социологических наук, профессор,
Институт социологии и регионоведения
Южного федерального университета,
г. Ростов-на-Дону,
e-mail: ybortsov@mail.ru

Верещагина Анна Владимировна

Доктор социологических наук, профессор,
Институт социологии и регионоведения
Южного федерального университета,
г. Ростов-на-Дону,
e-mail: anrietta25@mail.ru

Самыгин Сергей Иванович

Доктор социологических наук, профессор,
Ростовский государственный
экономический университет (РИНХ),
г. Ростов-на-Дону,
e-mail: samygin78_@yandex.ru

**CULTURAL
AND EDUCATIONAL
INEQUALITY IN RUSSIA:
THE THREAT TO NATIONAL
SECURITY**

Bortsov Yuriy S.

Doctor of Sociological Sciences, Professor
Institute of Sociology and Regional Studies,
Southern Federal University,
Rostov-on-Don,
e-mail: ybortsov@mail.ru

Vereshchagina Anna V.

Doctor of Sociological Sciences, Professor
Institute of Sociology and Regional Studies,
Southern Federal University,
Rostov-on-Don,
e-mail: anrietta25@mail.ru

Samygin Sergey I.

Doctor of Sociological
Sciences, Professor,
Rostov State Economic University
Rostov-on-Don,
e-mail: samygin78_@yandex.ru

В статье рассматриваются проблемы культурного и образовательного неравенства, в свете угроз национальной безопасности России значительно актуализировавшиеся в социологической науке. При этом значимое внимание уделяется неравенству образовательному, поскольку именно образование является важнейшим механизмом формирования культурного капитала. Культурное неравенство проявляется не только на микроуровне, но и на макроуровне. Государства в современном мире значительно различаются по уровню образованности населения, степени развития науки, которая является основным двигателем технологического и экономического роста. Культурное отставание создает предпосылки социальной напряженности внутри государства, интеллектуальной и технологической зависимости от других стран и делает государство уязвимым к внутренним и внешним рискам, что создает угрозы национальной безопасности государства.

Ключевые слова: социальное неравенство, культурное неравенство, культурный капитал, образовательная революция, образование, образовательное неравенство, социальная мобильность, национальная безопасность.

The article deals with the problems of cultural and educational inequalities, which are dramatically actualized in social science in the light of the threats to national security of Russia. At the same time a significant emphasis is made on educational inequality, because education is the most important mechanism in the formation of cultural capital. Cultural inequality occurs not only at the micro level, but also at the macro level. Today in the world the states differ greatly by the level of education of the population, by the degree of development of science, which is the pulsion engine of technological and economic growth. The cultural lag creates the conditions for social tension and intellectual and technological dependence on other countries that makes the state vulnerable to internal and external risks, and creates the threat to national security of the state.

Keywords: social inequality, cultural inequality, cultural capital, educational revolution, education, educational inequality, social mobility, national security.

Последние десятилетия ознаменовались актуализацией проблемы национальной безопасности, которая остро стоит перед многими государствами современного мира, перед Россией в том числе [1, 2]. Система национальной безопасности Российского государства включает в себя самые различные аспекты безопасности – военной, экономической, информационной, духовной, экологической, демографической и т.д. [3, с. 4], но в данной статье мы сконцентрируемся на проблеме культурного неравенства как угрозе национальной безопасности общества с акцентом на ее образовательном аспекте.

Безопасность общества как социальной системы предполагает такое состояние социальной системы, которое характеризуется уровнем ее равновесия и способности к жизни, а также устойчивому воспроизводству основных системных элементов, обеспечивающих ее эффективное функционирование [4]. Устойчивое функционирование общества и его способность к самовоспроизводству во многом связаны

с системой социального неравенства, которая может как инициировать социальный прогресс посредством эффективной системы социальной мобильности, так и тормозить его, порождая кризис социальной справедливости, выражающийся, как правило, в росте социальной поляризации и формировании в результате этого поляризованной системы социального неравенства. Со всей очевидностью современная Россия относится к подобным обществам, так как кризис российской экономической системы на протяжении более чем двадцати лет, в течение которых декларируется переход к демократическому обществу и правовому государству, по-прежнему развивающемся по авторитарной траектории, закрепляет крайне несправедливый социальный порядок, сложившийся за этот период постсоветских реформ. Этот социальный порядок определяется критически высоким разрывом между богатыми и бедными слоями населения, и российские социологи, оценивая этот разрыв по величине среднедушевых доходов между верхними и нижними слоями населения, пишут, что он равняется 40 [5, с. 36].

Изучение социального неравенства имеет давнюю историю, начало которой можно обнаружить уже в Античности. Возникновение социологии поставило исследование человеческих обществ и социального неравенства как их важнейшей структурной составляющей на научную основу. Со времен К. Маркса, О. Конта, Э. Дюркгейма, М. Вебера, Т. Парсонса было предложено множество новых подходов к анализу этого феномена, исследования выявляли всё новые и новые его аспекты. Особое значение имеют работы П. Бурдьё, в которых много внимания уделяется культурным аспектам социального неравенства.

Социальное неравенство оказывается вездесущим, пронизывающим все сферы социальной реальности. На XVIII конгрессе Международной социологической ассоциации (июль 2014 г.) отмечалось, что в борьбе против неравенства социология занимает «уникальные позиции», поскольку конфигурацию неравенства может определить исходя из пересечения различных его измерений [6, с. 14]. Сегодня уже очевидно, что социальное неравенство – многомерный феномен, оно проявляет себя повсюду – от экономики до биологии, поскольку социальное неравенство затрагивает и такие явления человеческой жизни, как болезнь и здоровье, продолжительность жизни. Важнейшим проявлением социального неравенства является культурное неравенство, которое может быть разделено на ряд составляющих. Среди них наиболее важными можно считать образовательное и цифровое (информационное) неравенство. В данной статье мы будем говорить преимущественно о культурном неравенстве в его образовательном аспекте.

В середине XX в. Т. Парсонс с оптимизмом писал об образовательной революции [7]. Образовательная революция подразумевала несколько существенных изменений. Во-первых, доступность для широких масс начального образования – еще до начала XX в. грамотность была редким навыком, но к середине XX в. в развитых обществах стала практически всеобщей. Во-вторых, широкое распространение более высоких ступеней образования – среднего и высшего, что обусловило изменение роли университетов в современных обществах.

Превращение университета в главный механизм подготовки профессиональных кадров для экономики составило третью черту образовательной революции. Резко выросло число высших учебных заведений, чьи функции включали не только профессиональную подготовку, но и формирование гражданственности.

Оптимистично оценивал рост образования и Д. Белл [8], который отмечал растущую роль науки и образования в постиндустриальных обществах, постоянный рост числа выпускников высших учебных заведений, возросшую роль наукоемкого и высокотехнологичного производства в экономике.

В середине XX в. многим казалось, что образование становится не просто эффективным механизмом профессиональной подготовки и социализации в целом, но и средством, которое позволит преодолеть социальное неравенство. На протяжении веков образование было доступно лишь элите, неграмотность закрепляла подчиненное положение людей, находящихся у подножия социальной пирамиды. В XX в. ситуация радикально изменилась, всё больше людей получало доступ к образованию разных уровней. Однако со временем стало очевидным, что даже современному массовому образованию не удалось преодолеть последствия социального неравенства [9].

С 60-х гг. XX в. западные исследователи начинают критиковать систему образования за её неспособность «уравнять шансы» представителей разных слоев общества. (И это только одно из направлений критики современного образования).

Еще П.А. Сорокин [10] отмечал, что образование выступает не только как социальный лифт, но и как селекционный механизм, отсеивая людей с неподходящими для системы качествами на ранних стадиях обучения, не давая им продвигаться дальше по образовательной лестнице и занимать высокие социальные статусы. Но, как показали другие исследования, ситуация была еще сложнее – селекция, производимая образованием, была другой стороной нежелания некоторых

людей учиться, что являлось следствием социального положения их семей, а также их личного «габитуса».

П. Бурдые [11] предложил понятие «габитус» для обозначения динамичной структуры поведения, которая формируется у индивида в результате его жизненного опыта, происходящего в определенных социальных условиях.

Использование этого понятия позволяет объяснить отставание в учебе детей из определенных социальных групп. Дети из непривилегированных слоев общества в силу своего воспитания не осознавали ценности образования для себя, не обладали навыками, необходимыми для успешного обучения, «культурным капиталом» (также термин Бурдые), который делал бы их «своими» для учителей. В результате такие дети учились хуже и отсеивались системой образования на ранних этапах обучения. Таким образом, образование не преодолеvalo, но укрепляло сложившуюся систему неравенства, способствуя в первую очередь продвижению выходцев из семей среднего и высшего класса.

Специфический габитус – не единственная причина более низкой успеваемости детей рабочих и других непривилегированных групп. Такие факторы, как сохраняющаяся плата за обучение, необходимые вложения семьи в образование детей, также определяют успехи в обучении и возможности продолжать учебу за пределами школы – в университетах и других высших учебных заведениях. Учебные заведения значительно различаются уровнем обучения и престижа. Зачастую сам факт обучения в определенной школе, колледже или университете значит больше для карьерного роста, чем качество полученного образования. Более качественное и престижное образование требует значительных финансовых вложений, что ограничивает доступ к нему.

Бурдые на основе своих исследований французской системы образования утверждал: «Сын высшего чиновника имеет в двадцать четыре раза больше шансов поступить в университет, чем сын сельскохозяйственного рабочего, и в сорок раз больше, чем сын рабочего, и его шансы также вдвое выше, чем у сына среднего чиновника» [12, с. 235].

Я. Маркевич-Ланьо и Р. Будон также высказывались о демократизации современного образования как об утопии [12, с. 235]. Критически оценивал возможности образования для обеспечения вертикальной мобильности и У. Бек в работе «Общество риска. На пути к другому модерну» [13].

Критика образования, обусловленная его встроенностью в систему социального неравенства, начатая еще в 60–70-е гг. XX в., не утратила своей актуальности и сегодня, при этом возникли новые аспекты

этой проблемы. В частности, образовательное неравенство оказалось переплетенным с цифровым неравенством, поскольку доступ к информационным ресурсам также неоднороден для представителей разных слоев населения.

Но вернемся к проблеме образовательного и культурного неравенства. Образование – один из важнейших механизмов формирования культурного капитала. Культурный капитал – важнейший вид ресурса, определяющего возможности для социального продвижения. Поэтому образовательное неравенство создает предпосылки для культурного неравенства.

Существует несколько основных факторов, предопределяющих неравенство доступа к образованию. А.М. Осипов, Н.А. Матвеева [14] выделяют следующие социальные барьеры:

- трэкинг (разведение учащихся по разным образовательным потокам);
- коммерциализация образования;
- специфическое отношение учителей к учащимся из разных социальных групп;
- структура семьи и её размер;
- ценностное отношение родителей к образованию;
- развитие языковых способностей у детей;
- региональный и территориальный факторы.

Перечисленные исследователями барьеры довольно разнообразны, они коренятся как в структуре общества, так и в специфике индивидуальных биографий и семейных историй.

Трэкинг определяется политикой учебных учреждений, которые делят учащихся на группы по критериям успеваемости, финансового состояния (в зависимости от того, изучение скольких учебных предметов способны оплатить родители), выбора самих учащихся и т.д. Сортировка учащихся приводит к тому, что даже в рамках одного учебного учреждения учащиеся могут получать образовательную подготовку разного уровня, при этом в наиболее уязвимом положении оказываются учащиеся из семей с ограниченными ресурсами. Фактор семьи и сам по себе способен оказывать негативное влияние на успехи в учебе: отсутствие места, где можно спокойно готовиться к занятиям, шум, эмоциональная напряженность в семье вместе с ограниченными финансовыми возможностями и неумением или нежеланием родителей привить ребенку мотивацию к обучению – всё это служит препятствием для успешного обучения.

Огромную роль играет социальное положение родителей. Д.Л. Константиновский отмечает: «Ключевые факторы социокультурного барьера: образование, сфера занятости и должность родителей. Кумулятивное действие этих факторов делает социокультурный барьер одним из самых высоких в ситуации неравенства жизненных шансов, а наличие значимого социального и культурного семейного капитала – условием получения такого образования, которое перспективно для воспроизводства статуса родителей или восходящей социальной мобильности» [15, с. 49].

Коммерциализация образования – понятие очевидное, не требующее пояснений. Неравный доступ к платным образовательным услугам – одно из наиболее ярких проявлений образовательного и культурного неравенства. Особенно болезненно эта сторона современной жизни воспринимается в российском обществе с его долгой традицией общедоступного образования.

В российских условиях большое значение приобретает региональный фактор, предопределяющий доступность или недоступность образования. Учебные учреждения, особенно учреждения высшего образования, концентрируются в городах. Чем крупнее город, тем шире выбор образовательных учреждений и образовательных услуг. В России с её огромной территорией, неравномерным развитием регионов и тенденцией последних лет к уничтожению сельских школ, сокращению числа небольших вузов и вузовских филиалов в провинции значение регионального аспекта образовательного неравенства возрастает. Одним из аргументов в пользу введения Единого государственного экзамена была создаваемая им возможность для школьника из любого региона страны поступить в центральные вузы. Однако при этом игнорировался тот очевидный факт, что вовсе не каждый выходец из небольшого города, успешно сдавший ЕГЭ, имеет финансовые и другие возможности переехать в большой город. Таким образом, ЕГЭ не решил проблему регионального неравенства в доступе к образованию, а вышеназванные тенденции сокращения числа учебных заведений её усугубляют. И дело не только в судьбах отдельных людей – сокращение числа учебных заведений в провинции ведет в перспективе к её культурной и социальной деградации, к ограничению доступа населения провинции к культурным ресурсам и благам, важнейшим из которых является образование [16].

Отсутствие образования неизбежно обрекает человека на бедность, но то же самое можно сказать о регионе с ограниченными образовательными и культурными ресурсами. Отсутствие подготовленных

кадров блокирует развитие местного производства, препятствует внешним инвестициям, что служит предпосылкой безработицы и обнищания. Российские исследователи приводят тревожные данные: «На исходе 20-го века... угрожающими темпами растет число молодежи, не получающей среднего образования на селе: если в 1994 г. всего 6 % сельскохозяйственных рабочих имели начальное и неполное среднее образование, то к 1997 г. они составили половину всех занятых... Если студентом дневной формы обучения становится каждый второй молодой новгородец, то из молодежи за пределами областного центра – каждый двенадцатый. Это подтверждается анализом структуры студентов НовГУ. Молодежь из областного центра составляет треть в численности этой возрастной группы в населении Новгородской области, а в контингенте студентов превышает 50 %. Молодежь из территорий за границами Новгорода представлена в контингенте студентов вдвое меньше её доли в населении области. Доля москвичей и жителей Московской области составляет среди первокурсников МГУ около 74 %, вместе со студентами из Центрального округа – 80 %» [14, с. 42].

В то время как развитые и стремящиеся к интенсификации социально-экономического развития государства идут по пути расширения доступности образования, Россия, к сожалению, следует в противоположном направлении, не только не создавая новых возможностей, но и последовательно уничтожая те, что сохранились от предыдущего этапа развития [17].

Нарастающее региональное культурное неравенство способно ухудшить экономическую ситуацию, усилить социальные проблемы, создать очаги социальной напряженности и конфликтности, что составляет несомненную угрозу национальной безопасности страны. Осознавая это, правительства многих стран стремятся комплексно решать проблему неравномерного развития регионов. Например, «во Франции или Греции успешно реализуются программы, направленные на повышение потенциала не отдельных школ, а всей территории, испытывающей серьезные социальные и экономические дефициты. Цель подобных программ состоит в охвате неблагополучных школ в бедных территориях и, таким образом, в фокусировке внимания на неблагополучных школах и учащихся. Эти программы объединили ресурсы, чтобы справиться с социальным и региональным неравенством, а именно территории были выделены на основании социальных и образовательных индикаторов по всем начальным и средним школам, нуждающимся в поддержке; помощь не ограничивалась учащимися и школами, но также касалась родителей, поэтому она строилась на кооперации между Министерством

образования и другими министерствами (соцобеспечения, труда). Таким образом, эти программы преодоления территориального и образовательного неравенства стали горизонтальной сетью образовательных и социальных политических инициатив в регионах, испытывающих комплексную депривацию» [18, с. 146].

Проблема образовательного и культурного неравенства проявляется не только на уровне отдельных индивидов, групп, регионов, но и на уровне государств. В мире постиндустриальной глобальной экономики наиболее сильные позиции занимают те страны, которые имеют образованное и квалифицированное население, развитую науку. Образование и наука – основные факторы развития инновационной экономики. К сожалению, Россия в последние годы оказывается догоняющей страной не только в мировой экономике, но и в мировом образовательном и научном развитии. Очевидно, что требуется создание новой концепции образования и глубокого реформирования всей системы обучения в России. Основу этой концепции должна составлять идея культурно развитого человека-преобразователя [19, с. 151].

Сегодня российская система образования находится в кризисном состоянии, и следует понимать, что этот кризис является частью системного кризиса общества, что и определяет ориентиры и перспективы преодоления кризисных факторов в функционировании системы образования, связанные с глубоким реформированием всей социальной системы и парадигмальным переходом российского общества и системы образования к иной логике общественного развития, базирующейся на приоритете креативного начала в схемах социального взаимодействия [20, с. 36] как основы активной жизненной позиции и творческого саморазвития личности.

Литература

1. Волков Ю.Г., Лубский А.В. Парадигмы междисциплинарного научного исследования национальной безопасности // Черноморско-Каспийский регион: вызовы и угрозы национальной безопасности России в условиях геополитической, георелигиозной и геоэкономической конкуренции / отв. ред. Ю.Г. Волков. Ростов н/Д., 2015. С. 24–40.
2. Голобородько А.Ю., Лубский А.В., Сериков А.В. Культура, идентичность и национальная безопасность России / отв. ред. Ю.Г. Волков. Ростов н/Д., 2015. 306 с.
3. Верещагина А.В., Самыгин С.И., Шевченко О.М. Система комплексной безопасно-

References

1. Volkov Yu.G., Lubskiy A.V. Paradigmy mezhdistsiplinarnogo nauchnogo issledovaniya nacional'noy bezopasnosti // Chernomorsko-Kaspiyskiy region: vyzovy i ugrozy nacional'noy bezopasnosti Rossii v usloviyakh geopoliticheskoy, georeligioznoy i geoeconomicheskoy konkurentсии / отв. red. Yu.G. Volkov. Rostov n/D., 2015. S. 24–40.
2. Goloborod'ko A.Yu., Lubskiy A.V., Serikov A.V. Kul'tura, identichnost' i natsional'naya bezopasnost' Rossii / отв. red. Yu.G. Volkov. Rostov n/D., 2015. 306 s.
3. Vereshchagina A.V., Samygin S.I., Shevchenko O.M. Sistema kompleksnoy be-

сти современного общества в контексте национальной безопасности России в условиях новых вызовов и угроз. М., 2016. 152 с.

4. *Самыгин С.И., Верещагина А.В.* Глобальные вызовы современности и безопасность цивилизации третьего тысячелетия [Электронный ресурс] // European Social Science Journal (Европейский журнал социальных наук). 2014. № 6–2 (45). URL: <http://mii-info.ru/data/documents/EZhSN-2014-6-2.pdf> (дата обращения: 20.09.2015).

5. *Горшков М.К.* Российское общество и вызовы времени. Книга первая / под ред. М.К. Горшкова, В.В. Петухова. М., 2015. 336 с.

6. *Буровой М.* Социология и неравенство // Социологические исследования. 2015. № 7. С. 5–14.

7. *Парсонс Т.* Система современных обществ / пер. с англ. Л.А. Седова и А.Д. Ковалева; под ред. М.С. Ковалевой. М., 1998. 270 с.

8. *Белл Д.* Грядущее постиндустриальное общество. Опыт социального прогнозирования. М., 2004. 788 с.

9. *Герасимов Г.И., Волков Ю.Г., Павленко Л.Н.* Культурно-образовательное пространство: сущность и реалии становления (социально-философский анализ). Ростов н/Д., 2003. 112 с.

10. *Сорокин П.А.* Социальная стратификация и мобильность // Сорокин П.А. Человек. Цивилизация. Общество. М., 1992. С. 295–405.

11. *Бурдье П.* Структура, габитус, практика [Электронный ресурс]. URL: <http://www.old.jourssa.ru/1998/2/4bourd.html> (дата обращения: 11.07.2014).

12. *Филитов Ф.Ф.* Социологический анализ проблем образования // Франция глазами французских социологов. М., 1990. С. 238–264.

13. *Бек У.* Общество риска. На пути к другому модерну. М., 2000. 384 с.

14. *Осинов А.М., Матвеева Н.А.* Институциональные барьеры и механизмы образования: концепция и региональная динамика // Социологические исследования. 2015. № 7. С. 37–48.

15. *Константиновский Д.Л.* Неравенство в сфере образования: российская ситуация // Мониторинг общественного мнения. 2010. № 5 (99). С. 40–65.

16. *Скворцов Н.Г.* Роль современного университета в развитии региона: социально-

zopasnosti sovremennogo obshchestva v kontekste nacional'noy bezopasnosti Rossii v usloviyakh novykh vyzovov i ugroz. M., 2016. 152 s.

4. *Samygin S.I., Vereshchagina A.V.* Global'nye vyzovy sovremennosti i bezopasnost' civilizatsii tret'ego tysyacheletiya [Elektronniy resurs] // European Social Science Journal (Evropeyskiy zhurnal social'nykh nauk). 2014. № 6–2 (45). URL: <http://mii-info.ru/data/documents/EZhSN-2014-6-2.pdf> (data obrashcheniya: 20.09.2015).

5. *Gorshkov M.K.* Rossiyskoe obshchestvo i vyzovy vremeni. Kniga pervaya / pod red. M.K. Gorshkova, V.V. Petukhova. M., 2015. 336 s.

6. *Buravoy M.* Sociologiya i neravenstvo // Sociologicheskie issledovaniya. 2015. № 7. S. 5–14.

7. *Parsons T.* Sistema sovremennykh obshchestv / per. s angl. L.A. Sedova i A.D. Kovaleva; pod red. M.S. Kovalevoy. M., 1998. 270 s.

8. *Bell D.* Gryadushchee postindustrial'noe obshchestvo. Opyt social'nogo prognozirovaniya. M., 2004. 788 s.

9. *Gerasimov G.I., Volkov Yu.G., Pavlenko L.N.* Kul'turno-obrazovatel'noe prostranstvo: sushchnost' i realii stanovleniya (social'no-filosofskiy analiz). Rostov n/D., 2003. 112 s.

10. *Sorokin P.A.* Social'naya stratifikatsiya i mobil'nost' // Sorokin P.A. Chelovek. Civilizatsiya. Obshchestvo. M., 1992. S. 295–405.

11. *Burd'e P.* Struktura, gabitus, praktika [Elektronniy resurs]. URL: <http://www.old.jourssa.ru/1998/2/4bourd.html> (data obrashcheniya: 11.07.2014).

12. *Filippov F.F.* Sociologicheskiy analiz problem obrazovaniya // Franciya glazami francuzskikh sociologov. M., 1990. S. 238–264.

13. *Bek U.* Obshchestvo riska. Na puti k drugomu modernu. M., 2000. 384 s.

14. *Osipov A.M., Matveeva N.A.* Institucional'nye bar'ery i mekhanizmy obrazovaniya: koncepciya i regional'naya dinamika // Sociologicheskie issledovaniya. 2015. № 7. S. 37–48.

15. *Konstantinovskiy D.L.* Neravenstvo v sfere obrazovaniya: rossiyskaya situatsiya // Monitoring obshchestvennogo mneniya. 2010. № 5 (99). S. 40–65.

16. *Skvorcov N.G.* Rol' sovremennogo universiteta v razvitii regiona: social'no-

гуманитарные аспекты // Гуманитарий Юга России. 2015. № 3. С. 28–35.

17. *Самыгин С.И., Волочай Н.В., Кудрявцев Д.И.* Защита интересов преподавателей вузов в процессе реформы образования и проблема социальной безопасности // Гуманитарные, социально-экономические и общественные науки. 2016. № 5. С. 41–45.

18. *Косарецкий С., Пинская М., Груничева И.* Проблемы бедности и доступа к образованию. Оценка ситуации в России и международный опыт // Мир России. 2014. № 2. С. 133–149.

19. *Борцов Ю.С.* Информатизация образования: парадигмальный переход или технологическое приспособление // Гуманитарий Юга России. 2016. № 3. С. 147–154.

20. *Волков Ю.Г.* Креативность в контексте формирования российской идентичности // Гуманитарий Юга России. 2014. № 1. С. 25–40.

gumanitarnye aspekty // Gumanitariy Yuga Rossii. 2015. № 3. S. 28–35.

17. *Samygin S.I., Volochay N.V., Kudryavcev D.I.* Zashchita interesov prepodavateley vuzov v processe reformy obrazovaniya i problema social'noy bezopasnosti // Gumanitarnye, social'no-ekonomicheskie i obshchestvennye nauki. 2016. № 5. S. 41–45.

18. *Kosaretskiy S., Pinskaya M., Grunicheva I.* Problemy bednosti i dostupa k obrazovaniyu. Ocenka situacii v Rossii i mezhdunarodnyy opyt // Mir Rossii. 2014. № 2. S. 133–149.

19. *Borcov Yu.S.* Informatizaciya obrazovaniya: paradigmal'nyy perekhod ili tekhnologicheskoe prisposoblenie // Gumanitariy Yuga Rossii. 2016. № 3. S. 147–154.

20. *Volkov Yu.G.* Kreativnost' v kontekste formirovaniya rossiyskoy identichnosti // Gumanitariy Yuga Rossii. 2014. № 1. S. 25–40.